

Бужилова А.П.

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии,
125009, ул. Моховая, д. 11, Москва, Россия

АНТРОПОЛОГИЯ В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ. ЧАСТЬ 1. ПИОНЕРЫ И ОСНОВАТЕЛИ НАУКИ

Цикл статей посвящен анализу становления и трансформации антропологии как фундаментальной науки. В исследовании использована шкала социального времени, которая позволяет оценить причины преобразований, взлетов и падений интереса к антропологии в разных странах в зависимости от социальных событий, формирующих вызовы общества.

В настоящее время антропология, как никакая другая наука имеет разное «наполнение» в зависимости от страны, в которой она сформирована. Вместе с тем у нее, как у всех наук общая история, общие задачи и методы. Является ли это следствием внутреннего противоречия антропологии (единой науки или собрания отдельных наук о человеке), или причина региональных особенностей – это результат влияния общества, в котором она развивается. Обсуждение важных для определения статуса современной антропологии вопросов предлагается начать, окунувшись в ее историю, чему посвящается первая часть работы.

В статье обсуждаются достижения начального этапа антропологии, когда в Париже появилась возможность основать профессиональное общество, журнал, Школу и Лабораторию, а также Музей антропологии. Почему это получилось у П. Брока во Франции, и не стало возможным у другого ученого в другой стране. Почему гениальные работы К. Бэра не дали ростков для формирования русской школы антропологии. Как случилось, что получившие в Париже одинаковые навыки и знания А. Грдличка и Д.Н. Анучин и основавшие единые по сути школы антропологии в Америке и России, не стали гарантами одинакового развития антропологии в этих странах. Что может перечеркнуть науку в отдельной стране, на долгие годы привнеся негативную коннотацию в термин «антропология». Что может стать катализатором возрождения интереса к естественной истории человека. Как фундаментальная наука приобретает прикладные аспекты и становится «привлекательной» для экономики той или иной страны. Эти и многие другие вопросы представлены в полемическом обзоре о многоликой антропологии.

Ключевые слова: история науки; антропология; П. Брок; К.М. Бэр; становление физической антропологии в Европе и Америке

К юбилею
НИИ и Музея антропологии МГУ

Введение

В период формирования антропологии как науки (в конце XVIII – сер. XIX вв.) преобладало широкое понимание ее универсальности и широты научных задач: естественная история вида, физическая организация разных этнических групп, психология и культура народов, происхождение и развитие языков. Ученые, проявлявшие интерес к различным аспектам антропо-

логии, имели разное базовое образование¹. Она была привлекательна для людей, готовых расширять свои горизонты и с одинаковым интересом проникаться задачами биологии и медицины, истории и филологии, психологии и других

¹ Когда антропологи столкнулись с необходимостью подготовки кадров, первой и эффективно работающей формой стала стажировка на базе уже полученного основного образования (как правило, медицина или биология). Единая профессиональная подготовка антропологов широкого профиля затруднительна, и эта проблема до сих пор не снята в образовательном процессе высшей школы.

научных знаний о человеке. Неудивительно, что в скором времени (примерно в середине XIX в.) такие ученые объединяются в антропологические научные общества – сначала в странах Европы (Франция, Великобритания, Россия, Германия, Италия), а потом в Северной Америке². Появляются первые профессиональные журналы. Часть из них функционирует до сих пор, сохраняя международную значимость и престижность³.

Подчиняясь вызовам своего времени и персональным интересам ведущих ученых, антропология в разных странах сформировала региональные особенности. Так, во Франции, Германии и России довольно быстро специалисты в области биологии и культурологии человека разделились⁴. Произошла дифференциация и самостоятельное развитие двух наук – антропологии и этнографии. Этому способствовало решительное разделение научных обществ, формирование образовательных кафедр на разных факультетах, как и различных научных задач с отличающимися методологическими подходами. В ходе развития науки эти две отрасли сводились вместе разве что в музейных и экспозиционных залах, где весьма выигрышно можно было показать широкой публике биологическое и социальное в природе человека. В англоязычных странах термин «антропология» сохраняется до сих пор и в ее гуманитарной части – изу-

чение социальной и культурной деятельности человека (социальная или культурная антропология), а в странах Северной Америки к этому еще добавляются разделы по археологии и исторической лингвистике. Причины таких расхождений в «наполнении» единой науки можно найти в региональной истории каждой страны. И именно формат социального времени, опирающийся не на хронологию, а собственно, на события, формирующие общество, может стать важным инструментом для поиска причин трансформации и «многоликости» современной антропологии.

Уже в вводной части этой статьи можно утверждать, что антропология как универсальная наука, имевшая в своей основе различные базовые науки, была обречена в ходе своего развития на дифференциацию. Сегодня более или менее видимое единство сохраняется в университетах США, где практикуется существование нескольких отделений на базе одного департамента (кафедры) для подготовки специалистов в области антропологии (биологической, социальной и лингвистики). Однако выпускники таких кафедр, получая различное базовое образование, являются специалистами различных отраслей знаний, мало отличаясь от выпускников европейских ВУЗов, получающих свою специализацию на разных кафедрах и факультетах.

Предлагаемый цикл статей сводится к обсуждению внутреннего противоречия антропологии: единой науки или собрания отдельных наук о человеке. Есть ли у современной антропологии стратегический потенциал, способный в перспективе объединить разные по сути дисциплины, грозит ли ей перевоплощение за счет методологии трандисциплинарности, или она, подчинившись объективному закону развития наук, продолжит дифференциацию, дробясь внутри естественнонаучных и гуманитарных отраслей, разделивших ее больше столетия назад. Обсуждение важных для определения статуса современной антропологии вопросов можно начать, окунувшись в ее историю, чему посвящается первая часть этой работы.

Антропология Поля Брока

Антропология, созданная Полем Брока (1824–1880), подвела черту в научной дискуссии

² Многие исследователи отмечают, что главная заслуга в такой активности принадлежит «естественно-научной части» — медикам, зоологам, анатомам и другим представителям естественных наук, стремившихся формализовать и унифицировать научные исследования человека. Археология и этнография в то время только начинали оформлять свои научные рамки, и в большей степени были предоставлены откровенным любителям сбора коллекций материальных редкостей.

³ Это «L'Anthropologie», который выходит с 1890 г., «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie» (с 1899 г.), «American Journal of Physical Anthropology» (с 1918–2021 г.; с 2022 г. — «American Journal of Biological Anthropology»), «Human Biology» (с 1928 г.), «Homo» (с 1949 г.), «Annals of Human Biology» и «Journal of Human Evolution» стали выходить с 1972 г.

⁴ Г. Шапиро писал, что долгое сосуществование не оформившейся в научную дисциплину этнографии и расоведения, как раздела физической антропологии объяснялись спецификой сбора полевого материала. Ученые, которые занимались описанием традиционных народов, попутно фиксировали и описывали не только культурные традиции, но и физические особенности их носителей [Shapiro, 1959].

о природе человека и обосновала его принадлежность к царству животных. Это положение о биологической природе человека возникло не вдруг, а в течение долго времени формировалось на прекрасно подготовленном фундаменте знаний. Решающую роль в развитии разделов естественной истории человека сыграли работы К. Линнея, впервые выделившего вид *Homo sapiens*, включив его в отряд приматов в своей классификации. Важно отметить два тома «Естественной истории» Ж. Бюффона о человеке и его расах. Работы Ж.Б. Ламарка, излагавшего взгляды о происхождении человека от человекообразной обезьяны, предвосхитили фундаментальный труд Ч. Дарвина о происхождении человека. И.Ф. Blumenbach провел первое масштабное изучение различных краниологических серий, впервые показав потенциальные возможности этого источника. Затем появляются труды К.М. Бэра (тут важно напомнить о его статьях о видообразовании и частичное несогласие с теорией эволюции Ч. Дарвина) и Т.Г. Гексли (английский зоолог, горячо поддерживавший эволюционные идеи Ч. Дарвина). Большой резонанс получают работы П. Брока, П. Топинара, А. Валлуа, М. Буля и других французских исследователей, по праву считающихся основателями физической антропологии.

В 1855 г. в парижском Музее естественной истории был открыт отдел антропологии. Позднее, благодаря известным усилиям Поля Брока, в Париже 19 мая 1859 г. было основано Общество антропологии (la Société d'Anthropologie), а в конце года уже вышел первый номер профессионального журнала (Bulletins de la Société d'Anthropologie), что в целом утвердило официальный статус новой дисциплины.

Считается, что такому стремительному отделению и становлению статуса науки предшествовало несколько событий. Во-первых, скандальный доклад Поля Брока на одном из заседаний Биологического общества в Париже, где он представил свои взгляды на вопросы гибридизации и определения видов животных. В этом докладе, в частности, он утверждал, что многие межвидовые потомки могут быть плодотворными (например, гибрид зайца и кролика). В своих рассуждениях он затронул и тему смешения человеческих рас. Председатель заседания

вынужден был остановить докладчика, обеспокоенный последствиями дискуссии [Ferembach, 1980]. Именно ограничения в обсуждении биологических законов человеческой природы заставили Поля Брока открыть независимое общество для изучения естественной истории человека.

Во-вторых, несколькими годами раньше по инициативе префекта Сены в 1847 г. была создана комиссия (куда вошел Брок) для изучения костных останков, извлеченных в ходе ремонтных работ одной из старинных церквей округа. Это потребовало от Поля Брока подбора немногочисленных в то время книг, посвященных краниологии и анализу человеческих рас. Для сравнительных исследований он стал формировать краниологическую коллекцию⁵, которая первое время хранилась у него дома, прежде чем была перенесена на медицинский факультет в Лабораторию антропологии, образованную им в 1867 г. при Парижской Высшей Школе (Ecole des Hautes Etudes). Это был следующий «антропологический проект» великого ученого. И, наконец, годом позже в стенах Высшей Школы начинает функционировать еще один проект П. Брока – Школа антропологии (Ecole d'Anthropologie), где читаются курсы и ведутся практические занятия по всем разделам антропологии, связанным с происхождением и разнообразием человека современного анатомического облика и развитием древнейших археологических культур [Ferembach, 1980]. В это время происходит формирование и становление археологии как отдельной исторической дисциплины. Важно отметить, что во многих европейских странах именно доисторическая археология начинает свое формирование, тесно переплетаясь с антропологией⁶. Этому способствовали работы Габриэля де Мортилье – профессора

⁵ Как писал основатель американской антропологии А. Грдличка [Hrdlička, 1914, С. 509], наука начинается с накопления научных коллекций. Хочется обратить на этот тезис особое внимание, именно научные коллекции становились основой развития антропологии в разных странах.

⁶ Опираясь на этот исторический факт, не могу не напомнить о современном «наполнении» американской школы антропологии, где палеоантропология (изучение ископаемых форм гоминид и гоминин) и доисторическая археология идут в одном образовательном комплексе по специальности «антропология».

доисторической антропологии в Ecole d'Anthropologie⁷.

Для представления масштабов работы Лаборатории приведу лишь несколько цифр. Спустя 10 лет после ее открытия был выпущен сборник краниологического фонда, который включал описание около 4 тыс. черепов, и 1,2 тыс. из них принадлежало Обществу антропологии. Быстрота, с которой пополнялась краниологическая коллекция объяснялась помощью слушателей Школы (главным образом врачей военно-морского флота Франции и других государств, повышавших квалификацию на медицинском факультете), которые после прохождения курсов и практической работы в Лаборатории с радостью и признанием пополняли ее фонды, привозя коллекции из своих зарубежных путешествий. Отметим, что к тому времени более половины фондов было изучено с целью анализа расовой изменчивости. В отчете П. Брока 1877 г. указывается, что результаты образуют десять томов, в которых записаны измерения черепов, проведенные по единой процедуре [Ferembach, 1980].

В то время набор инструментов, приспособленных для антропологических задач, был весьма ограничен. П. Брока активно занимается методической частью, и в том числе инструментарием. В 1872 г. при организованном им Антропологическом музее был создан «Кабинет антропологических инструментов», где представлены как рекомендуемые «рабочие комплекты», так и редкие инструменты, имеющие историческое значение⁸. Он и его сотрудники пишут для разных стран специальные антропологические

инструкции по использованию инструментария и проведению измерений. Другие инструкции давали полное представление о целом разделе антропологии, например, полномерная инструкция по описанию зубной системы [Broca, 1879]. Как известно, П. Брока не посвятил себя исследованиям современного человека. Тем не менее, желание унифицировать антропологическую методику сподвигло его на создание масштабного методического труда «Общая инструкция по антропологическим исследованиям» (300 стр.). Он также разработал хроматическую гамму глаз, волос и кожи. Эта антропологическая шкала впоследствии была опубликована московской школой антропологии. П. Брока был одним из первых, кто ввел использование гистологических и микроскопических срезов, как в медицине, так и в антропологии.

Активная научная работа требует активных обсуждений результатов, и лаборатория Брока устраивает сначала еженедельные семинары для антропологических выступлений, а затем переходит в щадящий режим встреч: раз в две недели. Огромное число желающих не вмещает слушателей в предоставленное университетом помещение, и П. Брока обосновано добивается расширения площади. Большие пространства остаются в введении Школы и Лаборатории еще долгое время после смерти П. Брока. Так, на момент стажировки А. Грдлички (основателя американской школы антропологии) в Школе антропологии у П. Топинара, зал заседаний, в котором устраивались доклады (бывшая трапезная монастыря кармелиток, чье здание занимал университет) вмещал около 300 человек [Ferembach, 1980].

Помимо черепов в лабораторию поступают кости скелетов детей и взрослых, и, что важно, из археологических раскопок⁹. К этому следует добавить замечательную сравнительно-анатомическую коллекцию приматов и других млекопитающих, а также собрание многочисленных слепков конечностей, голов и внутренних органов. Отдельно отмечу коллекцию слепков мозга, которая формировалась благодаря

⁷ Г. де Мортилье разработал классификацию материальной культуры по эволюционным схемам на основе соответствующих типов артефактов (fossiles-directeurs), которые он сгруппировал в отрасли (industries) [Coye, 1997, с. 136–146]. Строгая последовательность не допускала географического или хронологического совпадения. По его схеме за периодом Ашеля следует Мустье, затем Солютре и Мадлен (все термины до сих пор используются в археологии палеолита).

⁸ Коллекция сохранилась до наших дней, и по-прежнему располагается в Парижской Высшей школе в лаборатории имени Поля Брока. Отметим, что часть созданных им инструментов практически не претерпела каких-либо серьезных изменений в формах современного инструментария.

⁹ Сейчас эти коллекции являются частью антропологических фондов Музея человека в Париже.

искусной работе Т. Чудзинского¹⁰ – одного из сотрудников П. Брока, пришедшего работать в лабораторию после своего вступления в Общество антропологии. Опираясь на эту коллекцию, оба исследователя опубликовали работы, показавшие морфологическое сходство в формировании высшей нервной деятельности у млекопитающих. Важно выделить методическую составляющую: П. Брок ввел специальный учет информации по препарированным объектам. Он записывал имя, возраст, рост, профессию, причину смерти человека, вес мозга и его компонентов, а также оставлял место для разного рода примечаний. Эти дневники послужили источником научных исследований не только во времена ученого, но и несколько десятилетий спустя, например, в работе Э. Шрейдера [Schneider, 1966].

П. Брок известен открытием центра членораздельной речи в лобной извилине, которая носит его имя. Сейчас об этом знает практически каждый школьник. Отмечу, что это фундаментальное открытие было сделано с помощью примитивных средств исследования, но с блестящей постановкой научной задачи. Путем сравнения информации, полученной в ходе тщательного клинического исследования, и наблюдений, сделанных на мозге нескольких больных афазией, П. Брок обнаружил центр членораздельной речи в основании третьей левой лобной извилины, с тех пор обозначаемой как левая лобная извилина Брока. В конце 70-х годов XX века французские исследователи использовали один из препаратов мозга, который П. Брок изучил в своем эксперименте, для анализа повреждений методом электронного сканирования, который позволяет чрезвычайно точно локализовать возможные поражения (как раз в 1979 г.

была получена Нобелевская премия за внедрение такого метода в медицину). Они подтвердили, что повреждение было действительно там, где его обнаружил П. Брок [Ferembach, 1980].

Не могу не упомянуть о других исследовательских интересах ученого: аспекты эволюции человека, теории наследственности, вопросы гибридизации в широком биологическом поле; он внес вклад в развитие расового анализа в краниологии и демографические исследования населения Франции; публиковался с работами по палеопатологии, этологии и лингвистике. Все эти разделы антропологии успешно развивались при П. Броке – человеке широких интересов и позитивного отношения ко всему новому, что касалось человека и его природы. По сути, французской школой были заложены основные научные направления современной антропологии.

Помимо научных заслуг, для развития молодой науки важен был интернациональный подход в обучении антропологии. Благодаря Школе антропологии Поль Брок наладил стажировку для молодых ученых разных стран, которые, получив необходимый энергетический заряд и новые знания, способны были создать у себя на родине новую науку. Так, например, случилось с Д.Н. Анучиным, которого как избранного кандидата отправили в 1876 г. на обучение антропологии в Париж на деньги мецената К.Ф. фон Мекка, пожертвовавшего 2,5 тыс. рублей на организацию кафедры антропологии в Московском университете и специалистов к ней [Анучин, 1916]¹¹.

Эпоха П. Брока знаменательна тем, что его идею выделения антропологической науки как самостоятельной подхватывают многие страны, официально поддерживая антрополо-

¹⁰ Теофил Чудзинский, врач по образованию, был постоянным сотрудником П. Брока и помимо успешных результатов по сравнительной морфологии мозга млекопитающих, исследовал различные органы человека. Его можно без натяжки назвать основателем антропологии мягких тканей. Он автор двух монографий, посвященных этому вопросу. Одна посвящена сравнительному анализу мышц головы и лица у представителей разных человеческих рас, вторая — анализу мышц туловища и конечностей. Гораздо позднее, в 1926 г. был открыт «Международный центр антропологии мягких тканей» (основатели — ученые из Франции, Польши и Великобритании).

¹¹ Д.Н. Анучин попал на обучение в самый расцвет деятельности Лаборатории. Он сумел получить знания из рук, как самого мэтра, так и его первых учеников. Имел возможность работать на раскопках в пещерах Дордони, а также изучать мегалиты с ведущими учеными Э. Карталльяком, Э. Шантра и Г. Мортилье; привез в университет замечательные антропологические и археологические коллекции, часть которых была следствием его работы во Франции. Д.Н. Анучин до конца своих дней был активным собирателем коллекций. Известно, что нередко он жертвовал собственные средства на закупку книг или предметов для Музея [Левин, 1960]. Сегодня коллекции, приобретенные Д.Н. Анучиным, хранятся в НИИ и Музее антропологии МГУ.

гию, как универсальную науку о человеке. Отмечу, что индикаторами официального статуса науки могут быть: формирование научных антропологических обществ, унификация исследовательской методик, методология и профессиональный инструментарий, сбор научных коллекций, выделение ведущих научных направлений¹², и, что важно, обучение и преподавание новой науки, как и развитие музейной деятельности (научной пропаганды знаний). Лекции по новой дисциплине начинают читать не только в разных университетах Франции, Швейцарии (Цюрих, Базель), России (Москва), Германии (Бреслау (совр. Вроцлав, Польша), Лейпциг, Фрайбург, Гейдельберг), Австро-Венгрии (Вена, Будапешт), но в нескольких английских высших школах (в том числе в Оксфорде и Кембридже), а также в Брюсселе – столице «передовой» в то время Бельгии, получившей независимость от Нидерландов. Очевидный успех развивающейся науки можно отметить и на примере создания полноценных кафедр антропологии при некоторых университетах Европы, которые начинают готовить специалистов-антропологов¹³. Буквально через несколько лет эту эстафету подхватывают Соединенные Штаты Северной Америки. Что касается музейной деятельности, то практически каждый университет формирует свой учебный музей, сотрудники которого занимаются не только преподаванием, но и экскурсионной работой для пропаганды знаний широкой публике.

Как отмечал сам П. Брока, именно создание Школы антропологии, возможность дать профессиональное образование будущим специалистам по единой методике и сообразно методологии науки привело к такому успешному продвижению антропологии во Франции и других странах [Ferembach, 1980].

¹² Во времена П. Брока в рамках единой науки формировались: доисторическая антропология (и археология), сравнительная анатомия и морфология человека, расоведение (причем с анализом двух источников – морфологии ископаемого и современного человека), этология, палеопатология. К этому можно добавить психологию и лингвистику.

¹³ Университеты в Мюнхене, Берлине, Риме, Флоренции, Болонье и Неаполе открывают свои кафедры почти одновременно, позднее – в Вене, и на короткое время такая кафедра открывается в Московском университете [Бужилова, Негашева, Сухова, 2019].

Почему антропология так быстро принимается научным сообществом в разных странах? Тут можно назвать целый ряд причин, но хотелось бы обратить внимание, что формирование новой науки совпадает с социальными преобразованиями во многих странах мира. В целом происходит спад религиозной приверженности и связанного с этим роста научного знания. В колониях стран Старого Света и в Америке происходят революционные преобразования, связанные с отказом от колониальной системы (например, Индийская революция, войны маори и др.); стоит напомнить о начале эмансипации, как в Америке, так и в Европе. Мир в эту эпоху готов к преобразованиям, и наука, в частности. И на этом фоне антропология, заложенная на официальном уровне П. Брока, формирует главное и фундаментальное для всех отраслей знаний послание, что человек – это составная часть царства животных, который, как и прочие представители живой материи, меняет свои формы и строение по общим законам природы на протяжении всех этапов эволюции. Это кажется сегодня аксиомой, но в то время это было сравни революционному открытию, изменившему мир. И передовое научное общество, во многом, было готово принять это положение в силу активно формирующегося фундамента знаний биологических и медицинских наук. Ярким примером тому могут быть работы К.М. Бэра.

Карл Бэр и русская антропология

Карл Эрнст фон Бэр (в России Карл Максимович Бэр) (1792–1876), будучи профессором анатомии в Кёнигсбергском университете, прославился значимыми открытиями в области эмбриологии, в том числе впервые описав яйцеклетку млекопитающих и закон зародышевого сходства. За свои достижения он был удостоен звания академика и приглашен в Петербург в Императорскую академию наук, где с 1834 г. занимался не только наукой, чтением лекций студентам Медико-хирургической академии на латыни, но и прикладными научными задачами в разных естественнонаучных областях.

Интересы К. Бэра были исключительно разносторонними, что позволяет сегодня скромно назвать его естествоиспытателем. Как писал В.И. Вернадский [Вернадский, 1927, с. 5], «Бэр

вошел в среду Академии в знаменательный период ее истории». Академия была в поре очевидного научного расцвета с динамичным пополнением в ее составе молодых и талантливых ученых. К. Бэр был в ряду выдающихся ученых своего времени¹⁴. В.И. Вернадский считал его не менее значимой фигурой в развитии фундаментальных основ биологии, чем К. Линней и Ч. Дарвин [Вернадский, 1927].

В 1842 году К. Бэр был назначен директором Анатомического кабинета (музея) при Императорской академии наук, где хранились знаменитая коллекция человеческих аномалий и уродств Фредерика Рюйша, привезенная Петром I в Россию в 1716 году, а также этнографическое собрание из кругосветных и сибирских путешествий отечественных ученых и меценатов. Отдельное место в музее занимала в то время небольшая антропологическая коллекция черепов – случайных находок из разных регионов империи. При Карле Максимовиче она значительно расширилась и приобрела логические границы, опираясь преимущественно на задачи анализа расовой изменчивости, под влиянием интересов шведского анатома А. Ретциуса [Анучин, 1916]¹⁵.

Среди многочисленных трудов К. Бэра (более 400), есть публикации, которые мы можем рассматривать как антропологические исследования или работы по анатомии человека¹⁶.

¹⁴ Императорская академия высоко оценила научные достижения своего ученого, и в 1864 г. в 50-летний юбилей научной деятельности Карла Максимовича была учреждена премия в области биологии и естествознания имени Карла Бэра, для лауреатов выбита золотая медаль с его профилем, а по ободку – надпись на латыни: «Начав с яйца, он показал человеку – человека» [Райков, 1961]. Среди ученых, удостоенных премии имени Карла Бэра – И.И. Мечников, А.О. Ковалевский, В.М. Бехтерев и другие.

¹⁵ В 1859 г. в 5 номере «Русского вестника» К. Бэр был опубликован обширный труд об истории и собирателях краниологического собрания Академии, о значении анализа черепов при археологических изысканиях. Впоследствии он регулярно публикует отчеты о новых краниологических поступлениях в музей.

¹⁶ В 1835 г. в Лейпциге на немецком языке вышла статья, посвященная описанию эмбрионов человека на разных этапах развития. К. Бэр планировал опубликовать эти результаты в одной из глав 2 тома «Истории развития животных», однако посчитал, что материалов для публикации в книге еще недостаточно, поэтому ограничился статьей. В 1844 г. в Вестнике Императорской академии наук на французском языке выходит заметка о костях ног тбилисского гиганта,

В 1841 г. К. Бэр получил приглашение читать курсы сравнительной анатомии и физиологии (для него была открыта одноименная кафедра) в Петербургской медико-хирургической академии, где началось его тесное содружество с Н.И. Пироговым. К. Бэр не раз выступал с докладами и публикациями, где весьма горячо поддерживал многие новаторские идеи своего коллеги.

В 1845 г. в Вестнике Императорской академии наук выходит Инструкция для сбора данных по физической антропологии, написанная К. Бэром на немецком языке. Исходя из названия работы, она носит частный характер и предназначена для некоего магистра Карстена (филолога и этнографа), который был уполномочен Академией собирать данные по физической антропологии в запланированных поездках по России. Для нас важно отметить несколько аспектов научной работы Карла Максимовича. Во-первых, он не ограничивается научными изысканиями, а много работает в области методики и методологии по изучению физической природы человека¹⁷. Во-вторых, в этих вопросах К. Бэр не игнорируются гуманитарные науки. Обратите внимание, что сбором физических характеристик народов было поручено заниматься филологу-этнографу. Напомню о процитированных выше комментариях Г. Шапиро, что именно этнографам было проще всего собирать данные по физическим особенностям традиционных народов [Shapiro, 1959]. Но и естествоиспытатели могли заниматься аспектами культурной антропологии. В этой связи не удивляет полноценный этнографический труд самого К. Бэра (одного из осно-

который при жизни был денщиком генерала А.П. Ермолова. В этом же году уже в 6 томе того же издания выходит большая статья, посвященная описанию одноплодных близнецов, которые не полностью разделились в эмбриогенезе человека и позвоночных животных с обширным иллюстративным материалом. Как видим, это большей частью частные работы, опирающиеся на задачи анатомии человека и эмбриологии.

¹⁷ Напомню, что в 1843 г. К. Бэр был составлена и опубликована специальная инструкция в помощь профессору А.Ф. Миддендорфу для организации и работы комплексной научной экспедиции в Сибирь. А в 1847 г. для студентов Медико-хирургической академии вышло авторское пособие по гистологии, отпечатанное за личный счет К. Бэра и его «Врачебная статистика» – методическая программа для собирания статистических сведений.

вателей Русского географического общества), который вышел в 1846 г., «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» в 1 томе «Записок Русского географического общества». В 1848 г. в этом же издании Императорское Русское географическое общество публикует его статьи «Предложения об устройстве при Русском Географическом Обществе собрания этнографических предметов» и «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества». Позднее статья о социальных отношениях народов публикуется и на немецком языке.

В 1851 году К. Бэр представил Императорской академии наук большой труд «Человек в естественноисторическом отношении», предназначенный для 1 части «Русской фауны или описание и изображение животных, водящихся в Империи Российской» под изданием Ю. Симашко. Работа была написана на немецком и переведена Ю. Симашко на русский язык. К. Бэр остался недоволен переводом, считая, что там были очевидные искажения. После многолетнего перерыва¹⁸, лишь в 1859 г. в академическом журнале на латыни выходит обширная статья с описанием черепов из коллекции Анатомического кабинета при Академии с приложенными детальными рисунками черепов в натуральную величину (папуасы Новой Гвинеи, калмыки, алеуты, канаки). Это материалы для сравнительного анализа, направленного на выявление физических особенностей черепов папуасов. И на следующей странице этого издания статья о папуасах и альфурах, в которой Карл Максимович рассуждает об эволюционных факторах видообразования, особое внимание уделяя факторам среды. Важно отметить, что и доклад в Ака-

демии, и статьи, написанные по материалам доклада, во многом предвосхитили идеи Ч. Дарвина, изложенные позднее в его знаменитой книге «Происхождение видов». Идеи и работы К. Бэра по видообразованию высоко ценились мировой общественностью, и были популярны среди зоологов того времени. Ч. Дарвин в коротком предисловии к своей книге «Происхождение видов» упоминает труды К. Бэра в числе немногих ученых, на которых он опирался в своих теоретических предположениях.

Возвращаясь к антропологии, отметим, что труд о папуасах и альфурах, как и статью, опубликованную на немецком языке в 1860 г. о «макроцефалах» (обширный историко-антропологический анализ искусственно деформированных черепов), Д.Н. Анучин отмечает как пионерские антропологические работы [Анучин, 1916]. Обратите внимание, что П. Брока только формирует Общество антропологии, только начинает отстаивать идеи видообразования и законы изменчивости, а К. Бэр публикует мощный для своего времени труд, где рассуждает об этом применяя, по сути, впервые антропологические источники. Вслед за Д.Н. Анучиным хочу подчеркнуть еще один пионерский подход К. Бэра – это использование нетрадиционных источников для изучения вопросов естественных наук. На склоне своей научной карьеры Карл Максимович успешно использует труды Гомера и Геродота как источники для научного обоснования береговых линий Черного и Каспийского морей в древности, попутно описывая маршруты древних торговых путей и предлагая обоснованную реконструкцию географии мест легендарного путешествия Одиссея. Это прекрасный пример междисциплинарного подхода в науке, и К. Бэр демонстрирует высокий потенциал этого инструмента. Думаю, что и другие его публикации можно расценить, как образцы междисциплинарных исследований¹⁹.

¹⁸ Такой длительный перерыв в публикациях по биологии человека объясняется тем, что Карл Максимович всецело посвящает себя в годы разрухи вследствие Крымской войны прикладным вопросам ихтиологии, разработав алгоритмы для успешного вылова и промышленной обработки каспийской сельди вместо ставшей недоступной голландской [Вернадский, 1927]. Это не случайный каприз ученого. За его спиной на протяжении многих лет остались профессиональные экспедиционные выезды. Результатом этих экспедиций начала 1850-х гг. явилось представленное К. Бэром Академии серьезное научное исследование «Материалы для истории рыболовства в России и принадлежащих ей морях».

¹⁹ В 1862 г. выходит статья К. Бэра «О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея», в которой обосновывается важность археологии для изучения истории культур различных народов. В этом же году по случаю тысячелетия России выходит роскошное издание – иллюстрированная книга о живущих в России народностях. К. Бэр не только пишет введение, но передает издателю свои авторские иллюстрации характерных форм черепов различных народов, населявших Россию.

В 1863 г. в «Записках Российского географического общества» выходит статья «О древнейших обитателях Европы» (о находках швейцарских свайных построек каменного века, о древнейших орудиях в Скандинавии, о французских и других древнейших археологических памятниках Европы). На следующий год он размещает в менее научном изложении эту информацию в «Месяцеслове на 1864 г.» (издание Академии) под названием «О первоначальном состоянии человека в Европе». Как признается сам автор, он сделал это намерено, желая пробудить интерес широкой публики к археологии и антропологии [Райков, 1961].

Подводя итоги анализа антропологических публикаций Карла Максимовича, хочется обратить внимание, что краниологический материал выступает в его работах как важный аргумент в теоретической дискуссии о факторах видообразования, как источник анализа биологической изменчивости вида, реконструкции традиций и культур в древности, также, как и для описания физических различий современных народов (задачи расоведения). Именно эта многоплановость и вместе с тем единство антропологической науки проглядываются в первых антропологических работах на примере исследований К. Бэра. Не удивительно, что в 1862 г. в Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными по просьбе издателя П.Л. Лаврова, появляется статья Карла Максимовича «Антропология», в которой довольно убедительно очерчивается круг важных и основных задач молодой науки. Напомним, что прошло всего три года со дня объявления официального статуса антропологии в Париже, а в России уже появляется официальное признание новой науки и даже научная популяризация важных для науки результатов.

Не могу не отметить значимую в жизни К. Бэра заочную дискуссию с Ч. Дарвиным. Первая работа, показавшая несогласие Карла Максимовича с некоторыми постулатами эволюционной теории, появилась в 1865 г. в журнале «Натуралист» в статье «Место человека в природе, или какое положение занимает человек в отношении ко всей остальной природе». Затем в 1873 г. на немецком языке выходит полемическая статья о несогласии автора с некоторыми положениями дарвинизма, растиражированная сразу в не-

скольких зарубежных и российских изданиях. И, наконец, в 1876 г. (в год своей кончины) он публикует на немецком языке статью по объему монографии (245 стр.) с детальной критикой учения Дарвина.

Справедливости ради отметим, что эволюционный подход Карл Максимович поддерживал не только в текстах этих работ, но и результатами всей своей научной деятельности. Будучи молодым ученым в 20-е годы XIX в. он уже был сторонником эволюционной идеи в очень широком понимании этого слова. Он принимал естественное происхождение растений, животных и человека; постулировал, что история животного мира должна быть древнее, чем история человечества, история животного мира в свою очередь уступает древнейшей истории Земли. Он был пионером своего времени, настаивая, что животный мир состоит не из отдельных, изолированных неизменных видов, а из родственно связанных между собой групп, причем высшие формы произошли от более простых и несложных.

В теории Ч. Дарвина он не принимал определенные положения, большей частью, касающихся факторов естественного отбора. Ученый подвергал сомнению теорию выживания наиболее приспособленных в борьбе за существование. К. Бэр, как многие ученые того времени, объяснял изменчивость видов влиянием окружающей среды. Борьба за существование и естественный отбор как движущие силы эволюции казались ему недостаточными для того, чтобы объяснить постоянное возникновение в природе новых форм животных и растений. Он настаивал, что действие среды по-своему изменяет организмы так, что они всегда оказываются в закономерной связи с окружающей средой, и эта связь устанавливается естественным порядком. На исходе своей жизни он писал, что не исключает отсутствие переходных форм видов из-за очевидных пробелов в объеме сегодняшнего знания о видообразовании, и выражал надежду, что со временем пробелы будут заполнены и правота эволюционной теории будет подтверждена [Райков, 1961].

Мне представляется, что в многих европейских странах и в Северной Америке для середины XIX века можно найти подобные примеры пионерских работ в развитии антропологиче-

ского знания. К сожалению, для образования новой науки одной гениальной личности недостаточно, за ученым должна быть школа – ученики и последователи, соратники и оппоненты, должен быть налажен образовательный процесс, принята унифицированная методика и разработана концепция стратегии развивающейся науки. Все это в нашей стране успешно удалось создать чуть позже московской школе антропологии, которая по праву всеми своими достижениями обязана Д.Н. Анучину.

Я позволю себе сказать об этом всего несколько слов, так как о московской антропологии написано много и довольно подробно [например, Анучин, 1916; Левин, 1960; Залкинд, 1974; Балахонова, 2013; Бахолдина, Негашева, Синева, 2019]. В наших рассуждениях важно отметить, что на протяжении всей научной карьеры Д.Н. Анучина в Московском университете, благодаря его усилиям, были сформированы все компоненты, необходимые для образования науки. В 1864 г. по инициативе профессора А.П. Богданова возник антропологический отдел в составе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; на частные средства в 1876 г. на короткое время открыта кафедра антропологии и ученик А.П. Богданова – Д.Н. Анучин отправлен в Париж обучиться антропологии (по возвращению он возглавит кафедру). Затем в 1879 г. организована Антропологическая выставка в Москве, и тут Д.Н. Анучин принимает самое активное участие в ее формировании и проведении. В 1883 г. на базе коллекций этой выставки был основан Антропологический музей, его заведующим назначен Д.Н. Анучин, который там читает студентам университета лекции по антропологии. После долгих мытарств в 1919 г. Д.Н. Анучину удается вновь открыть кафедру антропологии в Московском университете, а в 1922 г. (в канун своей смерти) он добивается открытия исследовательского учреждения – Антропологического института при Московском университете. И, наконец, последний индикатор формирования науки – профессиональный журнал. С 1900 г. начинает выходить «Русский антропологический журнал»²⁰.

²⁰ В 1932–1937 гг. журнал меняет название («Антропологический журнал»). Затем журнал закрывают на несколько десятилетий. Он начинает выходить с

Почему все это стало возможным в стенах Московского университета, а не расцвело в Императорской академии наук, где К. Бэр построил довольно мощную базу для создания и развития науки. Почему начинания К. Бэра в Медико-хирургической академии не были подхвачены его учениками и преемниками курсов лекций в этом учреждении. Замечу сразу, что К.М. Бэр – медик по образованию, отличался от своих коллег своеобразным складом ума ученого, стремившегося «...самостоятельно добывать факты и делать из них самостоятельные выводы. Характерным для этого метода является соединение опыта с умозрением, построение теории на данных точного эксперимента. Вышеуказанный метод он положил в основу всей своей научной работы, что и привело его к блестящим результатам.» [Ноздрачев, 2013, с. 126]. Он построил свою образовательную базу на почве Медицинской академии, где появлялись ученики. Однако в силу профессиональной подготовки, даже, если они и выполняли студенческие работы по антропологии, все равно, в будущем они оставались на поприще медицины. Выдающийся человек, ученый широкого масштаба, сделавшей в науке немало мировых открытий в различных областях биологии и географии, как и других наук, он не мог не понимать необходимость преемственности. И, насколько нам известно, К. Бэр ставил вопрос об открытии в Академии самостоятельного научного направления, близкого по задачам антропологии (анатомия и физиология); он просил не просто открытия, но и создания ему условий развития наравне с другими дисциплинами. Однако эти попытки не привели к успеху. Академия по непонятным причинам не поддерживает это начинание. Тогда К. Бэр пишет письмо министру народного просвещения и просит для своего протеже физиолога Ф.В. Овсянникова вакантную должность заведующего кафедрой анатомии и физиологии в

1957 г. на протяжении трех лет под названием «Советская антропология» (1957–1959 гг.). С 1960 г. журнал опять меняет название – «Вопросы антропологии», просуществовав до 2005 г. С 2009 г. по приказу ректора Московского университета журнал входит в серию университетских журналов под названием – «Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология».

Казанском университете. Просьбу удовлетворяют и вскоре Университет отправляет Ф.В. Овсянникова на заграничную стажировку. Также, как и Д.Н. Анучин во время своей стажировки посетил ведущие университеты Европы, так и Ф.В. Овсянников в течении 1860 г. осмотрел лучшие физиологические лаборатории Европы в Берлине, Лейпциге, Геттингене, Гейдельберге, Бонне, Фрайбурге, Вюрцбурге, Мюнхене, Париже, Праге и Бреслау (Вроцлаве). Вернувшись на родину, он довольно быстро поднимается по карьерной лестнице (как и Д.Н. Анучин в свое время), активно внедряя физиологию в научный пул академической науки России. Через три года для него в Петербургском университете открывают кафедру анатомии человека и физиологии животных, которая под его руководством на протяжении многих десятилетий исправно готовила специалистов эмбриологического, морфологического, физического, химического и других необходимых профилей [Ноздрачев, 2013]. После ухода Карла Максимовича на пенсию Ф.В. Овсянников возглавляет Музей анатомии и секцию анатомии и физиологии в Академии. Вскоре он поднимает вопрос о создании при Анатомическом музее специальной Физиологической лаборатории и просит помещения под нее. Да, деятельность Ф.В. Овсянникова навсегда уводит Академию от вопросов антропологии. Но отметим, что физиологические эксперименты, проводимые в маленькой комнате Анатомического музея, послужили своеобразным прообразом всемирно известных академических учреждений нашей страны – Института физиологии, Института эволюционной физиологии и биохимии, Института мозга человека, Института медико-биологических проблем и других, поэтому вклад ученика К. Бэра в развитие целой отрасли биологического знания в нашей стране переоценить трудно. Через пару десятилетий Д.Н. Анучин примет на себя миссию формирования и продвижения антропологической науки в России.

Одинаковый старт и разные траектории

Напомним, что, прежде чем официально заявить о себе, физическая антропология развивалась довольно медленно, как бы дожидаясь

того базиса знаний, который позволил бы научно рассуждать о биологических основах человека. Официально заявив о себе, она стала быстро развиваться, и вскоре получила признание в Европе и Америке. Подчеркну, что антропология по своей организации отличается от тех наук, которые стремительно появляются и развиваются благодаря технологическим прорывам и новациям. Это классическая фундаментальная наука, с определенным списком отличительных особенностей. Первая ее особенность – это принятие в основу нескольких разных наук, т.е. некая универсальность или междисциплинарность в самом зачатке ее формирования. Это было не механическое слияние наук, а расширение задач за счет освоения «новой территории» с применением устоявшихся концепций и методик этих наук, что позволило в короткие сроки получить значимые результаты. Отметим еще одну особенность антропологии, основной целью которой был человек, как объект исследования. Такой специфический объект уже был противоречием по сути. Естественная наука оставалась без эксперимента, так как такой объект был не доступен для экспериментальных целей как другие представители царства животных. И, наконец, еще одна особенность науки – ограничения в исследовательском поле. За границами антропологии оставались все отклонения от нормы (патологии), которые были во власти медицинских наук, антропология не занималась неврологией, как и физиологией в том объеме, что делает ее наукой, сегодня к этому списку можно добавить еще и перечень молекулярных наук. Это была традиционная морфологическая наука²¹, и все необходимые дополнительные сведения она черпала из результатов смежных наук. Как никакая другая морфологическая наука, антропология с самого начала была ориентирована на статистику, так как анализ больших численностей позволял доказывать выявляемые закономерности. Перечисленные особенности диктовали кадровый подбор. В антропологии оставались естествоиспытатели с широкими биологически-

²¹ Это был период, закрепивший надолго стереотип о физическом антропологе со штангенциркулем в руках, деловито измеряющем головы или черепа [Shapiro, 1959].

ми и естественнонаучными знаниями, именно то, что практиковалось в научной среде XIX века. Это могло быть одним из объяснений, почему так практически молниеносно она была воспринята учеными разных стран именно в эпоху энциклопедизма ученых.

Безусловной заслугой П. Брока для развития антропологии надо признать унификацию методики и настойчивую пропаганду этого. На долгие годы это станет спецификой мировой антропологии, которая будет работать по одной методической шкале, несмотря на региональные особенности развития в разных странах. Кроме книги «Общая инструкция ...» П. Брока и знаменательного труда Р. Мартина (1914 г.), в начале XX в. были унифицированы методы антропологических исследований на международных съездах в Монако (1906 г.) и Женеве (1912 г.). Каждая региональная школа создаёт свои методические пособия, написанные ведущими учеными этих стран для адаптации к региональным исследовательским задачам и более полному восприятию методики на родном языке. В нашей стране это В.В. Бунак (антропометрия), Г.Ф. Дебец и В.П. Алексеев (краниология и остеология) и А.А. Зубов (одонтология). Морфологические методики сложно изменить, и в этом их неоспоримое преимущество, так как они позволяют наращивать объем данных на протяжении нескольких поколений ученых, использующих единые методы. В этом формате антропология выигрывает по сравнению с более «технологичными» науками о жизни, где с методикой «уходят» и данные.

Обращаясь к истории, хотелось бы обсудить основные направления антропологии, заложенные практически сразу. Благодаря органичности научных задач, они формируются задолго до объявления официального статуса антропологии. Во-первых, эволюционные теории, войдя в обиход наук, во многом определили ведущие направления антропологии, став важным инструментарием ее развития. Во-вторых, это была и есть единственная научная область, цель которой изучить вариативность одного биологического вида; и антропология, благодаря единой методологии, готова проследить ее во всем диапазоне эволюции. Важность и фундаментальность антропологии как раздела наук о жизни трудно переоценить.

Первое направление – это основной и фундаментальный вопрос о происхождении человека современного анатомического облика. Он будет держать в напряжении еще не одно поколение ученых. Мне представляется, что это одно из передовых направлений современной науки по использованию теоретических подходов, комплексности методов и технологических новаций. Конечно, такой масштаб «не по зубам» только одной науке – антропологии, но именно она, ставя цели и задачи, определяет научный алгоритм и направления дискуссий в этом разделе. Именно палеоантропология сегодня образец междисциплинарности, она использует методы и источники из разных отраслей знаний для формирования базового комплекса доказательств происхождения и формирования вида *Homo sapiens*. Будучи базовой отраслью в антропологии XIX в. она должна была получить более или менее одинаковые траектории своего развития, однако так не случилось. Многие исследователи считают, что развитию палеоантропологии мы обязаны первым ископаемым находкам древнего человека, а это обусловлено случаем – древнейшие находки предшественников сапиенса не могут быть обнаружены во всех странах мира. Для стран Старого Света, прежде всего, Франции, Германии и Англии – это первые находки человекообразных древностей и их изучение с позиций новой науки: гибралтарский череп, обнаруженный задолго до выхода книги Ч. Дарвина, череп неандертальца в Германии (1856 г.), который был обнаружен, но не сразу признан учеными как драгоценный подарок из эволюции прошлого и многие другие стартовые находки для развития антропогенеза. Тем не менее, коллекция древнейших находок пополнялась за счет специальных экспедиций, география их расширялась, как и пополнялись ряды его исследователей (представители французской, английской, немецкой и других школ). И уже к середине XX в. эта отрасль становится «визитной карточкой» антропологии, а ее последователей можно встретить в разных странах (Ф. Вейденрейх, Д. Блэк и китайский антрополог Пэй Веньчжун, много сделавшие для развития палеоантропологии в Китае; Э. Дюбуа и Г. фон Кёнигсвальд, открывшие нам дверь в антропологию Юго-Восточной Азии; А. Кизс, и его вирту-

альный преемник английский исследователь У. Ле Гро Кларк внесли свой вклад в основные концепции эволюции человека, Р. Дарт, Л. Лики, П. Тейяр де Шарден и южноафриканские учёные Р. Брум и Дж. Робинсон, открывшие неисчерпаемый источник для палеоантропологии в Африке и др.). Второй причиной успешного развития этого направления в странах Старого Света и США можно назвать довольно быстрый отказ от изучения разнообразия современного человека в силу различных причин для каждой страны, что держало в фокусе другие направления и в том числе антропогенез. В нашей стране антропогенез тоже получил свое развитие, но, может быть не в той степени, как это могло бы быть. У отечественных ученых не было возможности вести раскопки за пределами своей родины, как у представителей других школ. Сначала – это первые шаги университетской науки в дореволюционной России, потом концентрация на развитии задач, которые могли быть полезны молодой Советской республике; Вторая мировая война и ее последствия, как и периоды социального застоя не способствовали развитию этого направления в полной мере. Вероятно поэтому все исследования в этой области ограничивались, в первую очередь, глубокими теоретическими изысканиями, которые принесли результаты, сопоставимые с мировым уровнем. Это прежде всего работы Я.Я. Рогинского (теория широкого моноцентризма) и В.П. Алексеева (открытие нового таксона *H. rudolfensis*), это масштабные работы В.П. Якимова, В.В. Бунака, М.Ф. Нестурха, М.А. Гремяцкого, Е.Н. Хрисанфовой и А.А. Зубова.

Другое направление, не менее значимое в антропологии и являющееся еще одним ее знаменательным разделом – это изучение морфологической изменчивости современного населения. Вначале мы поговорим о расоведении. В нашей стране это направление стали успешно развивать В.В. Бунак и А.И. Ярхо, которые сумели доказать значимость такого предмета в многоликой России. В молодой Советской республике это направление было не просто значимым, но и объективным в безупречности научного анализа и постановки научной задачи. Важно отметить, что на волне этого интереса в нашей стране получает крутой виток развития краниология, и этому мы обязаны, прежде всего, Г.Ф. Де-

бецу. В других странах расоведение поначалу тоже получило заметно более выраженную траекторию развития, возможно, за счет того, что у исследователей не было дефицита в анализе изменчивости современного населения за счет очевидного разнообразия разнотничных популяций, населявших эти страны и их колонии. На примере американской школы это был, в первую очередь, Франц Боас. Трудно сказать, кем он был: антропологом, этнологом или лингвистом, но на протяжении всей своей научной карьеры он сохранял глубокий интерес к биологическим аспектам исследования человека. Уже в 1880-х и 1890-х годах он собирал антропометрические данные и призывал к этому других ученых. Он быстро понял важность генетики в физической антропологии и выпустил, в числе остальных, публикацию о наследовании цвета глаз на основе изучения метисов индейцев и европеоидного населения страны. Для американской школы расоведения нельзя не упомянуть К.С. Куна. Он был ярким сторонником целостного подхода в антропологии, что способствовало сохранению такого наполнения науки в США до настоящего времени (физическая, социальная и археологическая антропология). Его работы по расоведению до середины XX века включают различные аспекты; он имел возможность работать в странах Северной Африки, на Ближнем Востоке, изучать горцев Албании и др. После себя он оставил огромное наследие (книги и статьи по расоведению), которое несмотря на критику, прозвучавшую в его адрес с упреком в постулировании элитизма (неравенство рас), имеет сильное влияние в американской школе вплоть до конца 1960-х гг. Тем не менее, получив эффективный старт, расоведение в США, раздираемое противоречиями, заметно остановилось в своем развитии уже к середине XX века; ученым не удалось преодолеть негативного бытового понимания «неравенства рас», что очень широко постулировалось в американском обществе. Кроме того, в классификациях американской школы преобладал не просто типологический подход, а смешивались понятийные термины из области биологии и этнографии, и даже психологии. Не удивительно, что именно в Америке это направление подверглось жесточайшей критике, хотя адептов расоведения было там не меньше, чем в любой

другой стране. Можно сказать, что с 1936 года, когда в Нью-Йорке вышла книга Дж. Хаксли и А. Хэддона²² («Мы европейцы: обзор расовых проблем»), работ по критике расоведения и расизма в США стало больше, чем собственно трудов по расоведению. В результате сегодня в американской науке происходит смешений понятий и терминов, употребляемых в классификационных и оценочных работах. Особенно это заметно в статьях по различным аспектам популяционной генетики человека (по своим задачам современная преемница расоведения), – науки, которая как никогда набирает огромные обороты в своем развитии в основном за счет прикладных аспектов (в частности, анализ фармакологического эффекта на разные по своему происхождению группы, восприимчивость к тем или иным заболеваниям представителей разных рас и прочее).

На примере французской школы расоведения следует упомянуть помимо основателей антропологии еще и А. Валлуа. Кроме всего прочего, он изучал современное население Африки и Ближнего Востока. Сумел представить в результате анализа различных племен Африки морфологические вариации внутри африканского коренного населения, убедительно показав, что пигмеи со своими морфологическими особенностями не более, чем «определенная амплитуда вариации» [Ferembach, 1980, с. 314]. На примере сопоставления тенденций в морфологии головы современного населения Ближнего Востока и черепов древнего населения этой территории, А. Валлуа проследил его биологическую историю. В своей родной Франции он провел анализ распределения групп крови как внутри рас, так и сопоставляя эти показатели между расовыми группами, показывая, что расоведение может перейти на следующий уровень развития науки, исследуя не только морфологию, но и другие признаки человеческого организма. Важно отметить, что он писал статьи, в которых подчеркивал, что нельзя отрицать концепцию рас человека, и при этом писал, что нельзя признать превосходство какой-либо расы над другой. В его время в Великобритании, Германии, США еще всерьез дискутировался аспект нерав-

ноценности рас, причем даже адепты моногении ссылались на отдельные положения эволюционной теории, якобы доказывающие остановку в развитии некоторых представителей человеческих рас. И все же, расоведение во Франции, резко стартовав, благодаря своим основателям, также, как и в США, сошло на нет. Фактически, после Второй мировой войны изменчивость изучается как раздел морфологии и соматологии, много внимания уделяется влиянию факторов среды, а вопросы расоведения остаются в стороне. Мне представляется, что это связано не только с известными событиями в Германии и Японии, дискредитировавшими расоведение навсегда. Во Франции в целом сходит на нет общая траектория развития антропологии как науки. Возможно, это было связано с отсутствием кафедр и профессионального преподавания антропологии в ВУЗах. Напомним, что наука преподавалась только для стажеров на медицинском факультете парижской Высшей школы. Будучи не прикладной и не профильной для факультета, она была обречена на замедление развития; ее ученики не имели возможности оставаться работать в Лаборатории (штат был маленьким и редко трансформировался), как и получить престижные и хорошо оплачиваемые должности по специальности «антропология» в других ВУЗах Франции (так как таких мест не существовало). Однако антропология сохранялась благодаря существованию преемственности и маленьких по численности школ отдельных выдающихся ученых. Для нескольких из них даже открывались отдельные лаборатории, например, для А. Валлуа была специально открыта лаборатория антропологии в Тулузе²³. В связи с этим не

²³ А. Валлуа многое сделал для сохранения антропологии во Франции. В 1940 г. все коллекционные фонды Лаборатории Брока запаковываются и хранятся в подвале одной из секционных комнат медицинского факультета. С 1942 г. А. Валлуа становится директором Института палеонтологии человека после известного палеоантрополога М. Буля, а в следующем году становится профессором Национального музея естественной истории и директором Музея человека. Все эти посты помогают А. Валлуа сохранить официальное преподавание антропологии на факультете естественных наук (1949 г.), а также разместить антропологические коллекции Лаборатории Брока в Музее человека, Институте палеонтологии человека и тематическую часть оставить на медицинском факультете Парижской Высшей школы.

²² Дж. Хаксли (внук Т. Гексли) был одним из создателей синтетической теории эволюции, А. Хэддон был довольно известным британским антропологом.

могу не обратиться к ученому наследию Эжена Шрейдера (1901–1978), который стал преемником А. Валлуа, и возглавил после него парижскую Лабораторию Брока (1961–1971 гг.). Он был во многом «продуктом» этой Лаборатории, несмотря на его весьма насыщенную биографию²⁴.

Хотелось бы на примере этого ученого отметить важность междисциплинарной подготовки, которая во многом определила его пионерские научные достижения в области исследования биологической и социальной природы человека. Это прекрасный пример потенциального успеха при решении междисциплинарных задач антропологии. Э. Шрейдер получил оригинальные результаты в анализе индивидуальной и популяционной изменчивости на физиологических и биохимических признаках. Его работа в этой области заставила подвергнуть сомнению понятие «физиологической устойчивости», что было аксиомой в середине XX века. Он сделал немало важных открытий в области адаптации человека. В своих первых работах Э. Шрейдер провел исчерпывающий анализ литературных источников, посвященный классификации по расовым, морфологическим, психосоциологическим, психоаналитическим и психосоматическим аспектам. Именно его многопрофильное образование позволило это сделать на высоком профессиональном уровне. Эта типологическая ретроспектива была крайне полезна для формиро-

вания научной стратегии физической антропологии, и позволила Эжену Шрейдеру наметить важность привнесения новых статистических подходов и методик для оценки человеческого разнообразия; в частности, он был первым, кто использовал факторный анализ при изучении соматотипов. В годы войны он работает на стороне Сопротивления, и не бросает занятия наукой, активно занимаясь, помимо биометрии, вопросами акклиматизации к жаре и другими аспектами терморегуляции. Уже после войны ему удается убедительно показать географический градиент по индексу вес/поверхность тела, и распространить экологическое правило Бергмана и Аллена на человеческий вид. Его работы во многом определили развитие экологической и физиологической антропологии в разных научных школах. У нас в стране в 1924 году появилась знаменательная статья В.В. Бунака «Об акклиматизации человеческих рас...», много позднее его ученица Т.И. Алексеева создала экологическое направление, сумев выдержать грандиозный исследовательский масштаб, о котором не раз с восхищением отзывались ее зарубежные коллеги. Работы советской школы в области экологии человека считаются важным вкладом в мировую копилку знаний о человеке.

Развитие морфологии и других фундаментальных направлений в антропологии имело более или менее сходные траектории развития в разных странах. Как и в других областях, ученые обращали внимание на пластичность не только физиологических характеристик, но и морфологических. Тут важно напомнить, например, книгу Ф. Боаса «Телесные изменения детей иммигрантов в США», вышедшую в 1912 году. Эта оригинальная работа показала, что прежняя концепция относительной устойчивости физического типа не верна, и теперь необходимо было мыслить в терминах пластичности фенотипической реакции на условия окружающей среды. Уже к середине XX в. создаются первые информативные конституциональные схемы (советские антропологи В.В. Бунак и И.Б. Галант, француз К. Сиго, итальянец Г. Виола, немецкий исследователь Э. Кречмер, американский антрополог У. Шелдон и др.). Важно отметить сформировавшуюся биометрическую схему обработки данных, предложенную английской

²⁴ Эжен Шрейдер родился в 1901 г. Санкт-Петербурге в семье юристов. В 1906 г. его семья обосновалась в Италии. В 1917 г. юный Эжен вернулся на родину морем, попав в Одессу. После короткого пребывания там, он вернулся в Рим, где поступил в университет для изучения права. Однако параллельно он посещает курсы анатомии, физиологии и судебной медицины (криминология Ломброзо) на медицинском факультете. С 1923 г. свое образование он продолжил в Праге, сосредоточившись на социальной антропологии. Тема его работы «Старые обычаи различных народов Восточной Европы в связи с некоторыми современными тенденциями». Затем он еще год обучается курсу социологии в Сорбонне. С 1925 г. Э. Шрейдер становится социальным антропологом в пражском Институте русистики. Но через три года вновь возвращается в Париж в Сорбонну, где начинает посещать курсы по психологии и биологии. В 1932 г. он защищает диссертацию по психологии. После этого на протяжении почти 8 лет он обучается биологии в Сорбонне, при этом посещая лабораторию антропологии в Высшей Школе, обучаясь анатомии и антропологии у А. Валлуа.

школой (Ф. Гальтон, К. Пирсон, Р. Фишер и др.). Помимо конституциональных, созданы схемы возрастной периодизации и представлена концепция «биологического возраста»; у антропологов в исследовательских задачах появляется фундаментальная проблема акселерации и секулярного тренда; разрабатываются историко-эволюционные аспекты онтогенеза (перечисляя все эти направления не могу не вспомнить английского антрополога Дж. Таннера, у нас в стране Е.Н. Хрисанфову, Н.Н. Миклашевскую, П.Н. Башкирова, О.М. Павловского и многих других).

Вторая половина XX века – это еще и активное освоение прикладных аспектов антропологии в области эргономики (одежда, мебель, транспорт). Тут уместно на примере нашей страны вспомнить многолетний проект по размерной типологии стран членов СЭВ, которым руководил наш Институт антропологии МГУ (П.И. Зенкевич, Ю.С. Куршакова, Т.Н. Дунаевская и др.). Данные по популяционным физическим характеристикам населения (шкалы нормы развития) активно используются в медицине и спорте. Сегодня эти области антропологии практически перестали функционировать в нашей стране из-за развала некоторых отраслей экономики в век глобализма, но социальный запрос на развитие прикладных областей антропологии не ушел и ждет своих адептов в реформации этой отрасли.

Заключение

Не могу припомнить никакой другой науки, которая, возникнув во второй половине XIX века, за 100 лет сумела пройти сложный путь от заблуждений и мифотворчества к значимым научным достижениям. При этом, сохранив «классический» морфологический инструментарий, она пришла ко второй половине XX века (в канун эры супер-технологий) уже готовой к переменам. Для антропологии – это не только масштабное использование данных по группам крови, белкам и ферментам с вовлечением компьютерной обработки данных, но и использование данных по структуре митохондриальной и ядерной ДНК в исследованиях изменчивости признаков на популяционном уровне.

Этот переход произошел не сразу, но отличался своей стремительностью во всех странах. И этот опыт не всегда принимался положи-

тельно даже самими антропологами, привыкшими доверять только или в первую очередь морфологическим показателям. Особенно значимым вложением новых технологий и новаций в изучение антропологических задач следует считать последние два десятилетия. Изменение задач и пополнение исследовательского материала в конце XX – начале XXI века во многом изменили лицо антропологии. Стало казаться, что наука сильно раздробилась, оставив позади приверженцев классических методов, и отделив от нее «новаторов». Это эпоха еще и проникновения гуманитарных задач в поле физической антропологии. Оказалось, что как прежде антропология использовала методы или собственно результаты смежных наук как инструментарий для достижения своих задач, так и гуманитарная наука стала «пользоваться» достижениями физической антропологии в решении своих задач. Все это, проявляясь сначала в отдельных странах, уже в 1990-е годы стало стремительно развиваться практически везде, встречая разные реакции профессиональных антропологических сообществ. Это движение способствовало появлению отдельных научных сообществ специалистов, изучающих древние болезни, рост и развитие детей, поведение и механизмы социальной адаптации, ископаемые останки человека с целью реконструкции образа жизни, демографию древних сообществ и др. На фоне многолетнего отсутствия профессиональной подготовки физических антропологов в большинстве университетов Европы стало казаться, что антропология «рассыпалась» как шарики из коробки на мелкие междисциплинарные области. Европейская ассоциация физических антропологов, впрочем, как и Американская уже не могли влиять на формирование единой стратегии науки, хотя такие попытки неоднократно принимались на конференциях и заседаниях представителей разных стран. Последние пять десятилетий нашей науки – это еще один важный виток в развитии антропологии. Он требует специального анализа, что не является целью данной публикации, и будет изложено в другой статье.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках темы НИР «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)» (AAAA-A19-119013090163-2).

Библиография

Анучин Д.Н. На рубеже полутора- и полустолетия // Русский антропологический журнал, 1916. Кн. 1-2. С. 4–14.

Балахонова Е.И. 130 лет Музею антропологии Московского университета имени М.В.Ломоносова: события и люди // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2013. №4. С. 4–22.

Бахолдина В.Ю., Негашева М.А., Синева И.М. История преподавания антропологии в Московском университете. М.: Клуб печати. 2019. 123 с.

Бужилова А.П., Негашева М.А., Сухова А.В. Кафедра антропологии МГУ – 100 лет (этапы становления и развития профессионального образования) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2019. № 3. С. 101–127. DOI: 10.32521/2074-8132.2019.3.101-127.

Вернадский В.И. Памяти академика К.М. фон Бэра / Первый сборник памяти Бэра. Л.: АН СССР, 1927. 9 с. (Тр. Комиссии по истории знаний АН СССР, Вып. 2).

Залкинд Н.Г. Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. М.: Наука. 1974. 148 с.

Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М.: АН СССР. 1960. 176 с.

Ноздрачев А.Д. Академик Карл Максимович Бэр (к 220-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского Университета, 2013. Сер. 3. Вып. 2. С. 123–134.

Райков Б.Е. К. Бэр, его жизнь и труды. М.; Л.: АН СССР. 1961. 524 с.

Сведения об авторе

Бужилова Александра Петровна, д.и.н., академик;
ORCID ID: 0000-0001-6398-2177; e-mail: al-bu_ra@mail.ru.

Поступила в редакцию 18.04.2022,
принята к публикации 21.04.2022.

Buzhilova A.P.

Lomonosov Moscow State University,
Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology,
Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russia

ANTHROPOLOGY IN THE FOCUS OF SOCIAL TIME. PART 1. PIONEERS AND FOUNDERS OF SCIENCE

A series of articles is devoted to the analysis of the formation and transformation of anthropology as a fundamental science. The study uses a social time scale, which makes it possible to assess the reasons for the transformations, ups and downs of science in different countries, depending on social events that form the challenges of society.

At present, anthropology, like no other science, has a different "content" depending on the country in which it is formed. At the same time, like all sciences, it has a common history, common tasks and methods. Whether this is a consequence of the internal contradiction of anthropology (a single science or a collection of separate human sciences), or the reason for regional characteristics is the result of the influence of the society in which it develops. It is proposed to begin the discussion of issues important for determining the status of modern anthropology by plunging into its history, to which the first part of the work is devoted.

The article discusses the achievements of the initial stage of anthropology, when in Paris it became possible to found a professional Society, a journal, a School and Laboratory, as well as an Anthropological Museum. Why did it work for P. Broca in France, and did not become possible for another scientist in another country. Why did the brilliant works of K. von Baer not give rise to the formation of the Russian school of anthropology. How did it happen that A. Hrdlička and D. N. Anuchin, who received the same skills and knowledge in Paris and founded essentially the same schools of anthropology in America and Russia, did not become guarantors of the same development of anthropology in these countries. What can cross out science in a particular country, bringing a negative connotation to the term "anthropology" for many years. What could be the catalyst for the revival of interest in the natural history of man. How fundamental science acquires applied aspects and becomes "attractive" for the economy of a particular country. These and many other questions are presented in a polemical review of the many-sided anthropology.

Keywords: History of science; anthropology; P. Broca; K. von Baer; development of physical anthropology in Europe and America

References

- Anuchin D.N. Na rubezhe polutora- i nolustoletiya [At the turn of one and a half and half centuries]. *Russkij antropologicheskij zhurnal* [Russian Anthropological Journal], 1916, 1-2, pp. 4–14. (In Russ.).
- Balashonova E.I. 130 let Muzeyu antropologii Moskovskogo universiteta imeni M. V. Lomonosova: sobytiya i lyudi [130th anniversary of the Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow University: events and people]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2013, 4, pp. 4–22. (In Russ.).
- Baholdina V.YU., Negasheva M.A., Sineva I.M. *Istoriya prepodavaniya antropologii v Moskovskom universitete* [The history of teaching anthropology at Moscow University]. Moscow, Klub pechati Publ., 2019, 123 p. (In Russ.).
- Buzhilova A.P., Negasheva M.A., Suhova A.V. Kafedre antropologii MGU – 100 let (etapy stanovleniya i razvitiya professional'nogo obrazovaniya) [Department of Anthropology, Moscow State University – 100 years (stages of formation and development vocational education)]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2019, 3, pp. 101–127. DOI: 10.32521/2074-8132.2019.3.101-127. (In Russ.).
- Vernadskij, V.I. Pamyati akademika K.M. fon Bera [In memory of Academician K.M. von Baer]. In *Pervyj sbornik pamyati Bera* [The first collection of Baer's memory]. Leningrad, AN SSSR, 1927, 9 p. (Tr. Komissii po istorii znaniy AN SSSR, 2). (In Russ.).
- Zalkind N.G. *Moskovskaya shkola antropologov v razvitii otechestvennoj nauki o cheloveke* [Moscow School of Anthropologists in the development of the Russian Science of Man]. Moscow, Nauka, 1974, 148 p. (In Russ.).
- Levin M.G. *Ocherki po istorii antropologii v Rossii* [Essays on the history of anthropology in Russia]. Moscow, AN SSSR, 1960, 176 p. (In Russ.).
- Nozdrachyov A.D. Akademik Karl Maksimovich Ber (k 220-letiyu so dnya rozhdeniya) [Academician Karl Maksimovich Behr (on the 220th anniversary of his birth)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2013, 3 (2), pp. 123–134. (In Russ.).
- Rajkov B.E. K. *Ber, ego zhizn' i Trudy* [Behr, his life and works]. Moscow, AN SSSR. 1961. 524 s. (In Russ.).
- Broca P. Instructions relatives à l'étude anthropologique du système dentaire. *Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris*, 1879, III Série, 2, pp. 128–163.
- Coye N. *La préhistoire en parole et en actes. Méthodes et enjeux de la pratique archéologique (1830-1950)*, L'Harmattan, Paris, 1997.
- Ferembach D. Le Laboratoire d'Anthropologie de l'Ecole pratique des Hautes études. *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*, 1980, XIII Série, 7 (4), pp. 307–318.
- Hrdlička A. Physical Anthropology in America: An Historical Sketch. *American Anthropologist*, 1914, 16 (4), pp. 508–554.
- Schreider E. Brain weight correlations calculated from original results of Paul Broca. *Am. J. Phys. Anthropol.*, 1966, 25 (2), pp. 153–158.
- Shapiro H.L. The History and Development of Physical Anthropology. *American Anthropologist*, 1959, 61 (3), pp. 371–379.

I Information about Author

Buzhilova Alexandra P., DSci, Academician;
ORCID ID: 0000-0001-6398-2177; albu_pa@mail.ru.